

Джон Голсуорси

Спасение Форсайта

Суизин Форсайт лежал в постели. Углы его рта под седыми усами были опущены до самого двойного подбородка. Тяжело дыша, он сказал:

– Доктор говорит, что я серьезно болен, Джемс. Джемс, его брат-близнец, приложил к уху ладонь.

– Не слышу. Говорят, мне надо лечиться. Вечно надо лечиться от чего-нибудь. Эмили тоже лечилась...

Суизин сказал:

– Как ты бормочешь, Джемс, ничего не разобрать. Вот моего лакея, Адольфа, я хорошо слышу. Я его выучил... А тебе надо обзавестись слуховым рожком. Ты совсем расклеился, Джемс.

Они помолчали. Потом Джемс Форсайт, вдруг оживившись, сказал:

– Ты, наверно, уже написал завещание и оставил все деньги семье, ведь больше тебе их завещать некому. А то вот третьего дня умер Денсон и завещал все свои деньги на больницу.

Седые усы Суизина оцетинились.

– Этот дурак доктор тоже говорил, чтобы я составил завещание, – сказал он. – Терпеть не могу, когда ко мне лезут с советами насчет завещания. Ем я хорошо: вчера вечером я съел куропатку; и с каждым днем аппетит у меня улучшается. Доктор сказал, что мне нельзя пить шампанское! А я плотно завтракаю. Мне еще нет и восьмидесяти. И тебе ведь столько же лет, Джемс. А ты выглядишь неважно. Джемс Форсайт сказал:

– Тебе нужно посоветоваться с другим доктором. Пригласи Бланка, лучше него не найти врача. Я приглашал его к Эмили. Мне это обошлось в двести гиней. Он отправил ее в Хомбэрг – лучшего места тоже не найти. Туда сам принц ездит – все туда ездят.

Суизин Форсайт сказал:

– Я совсем не бываю на воздухе и очень плохо сплю. А ведь я купил новую коляску за большие деньги. Ты болел когда-нибудь бронхитом? Говорят, что шампанское вредно, а мне кажется, – нет целебнее лекарства.

Джемс Форсайт встал.

– Тебе все-таки следует пригласить другого доктора. Эмили просила передать тебе привет. Она хотела навестить тебя, но ей пришлось уехать в "Ниагару". Сейчас все туда ездят – это в моде. Рэчел ездит туда каждое утро, а это уже слишком, боюсь, как бы не слегла. Там сегодня маскарад, и

герцог будет раздавать призы.

Суизин Форсайт сказал сердито:

– У меня отвратительно готовят, никак не могу их выучить. А вот в клубе подают отличный шпинат.

Было видно, как у Суизина дрожат под одеялом ноги.

– Ты, наверное, неплохо заработал на картинах Тинторетто? Да и земельная рента дает немало. У тебя сейчас столько денег, что ты, пожалуй, не знаешь, куда их девать, – сказал Джемс Форсайт, причмокивая мокрыми губами.

Суизин Форсайт бросил на него уничтожающий взгляд.

– Деньги! – проворчал он. – Один доктор во сколько обходится.

Джемс Форсайт протянул ему холодную влажную руку.

– До свидания! Ты все же пригласи другого врача. Не могу так долго держать лошадей на улице – у меня новая пара, стоила мне три сотни. Береги себя. Я поговорю с Бланком. Тебе надо его пригласить – все говорят, что лучше нет врача. До свидания.

Пристально глядя в потолок, Суизин Форсайт подумал: "Бедный Джемс! Ну и скряга же он! А у самого, наверно, не меньше двухсот тысяч!"

Он задремал, раздумывая о жизни...

Он был болен и одинок. Много лет он был одинок, а последние два года к тому же еще и болен; но он хотел прожить жизнь так же, как он выкурил свою первую сигару, – стойко, до самого конца. Каждый день его возили в клуб. Он торжественно восседал на пружинном сиденье своего экипажа, сложив руки на коленях, слегка наклонившись вперед и чуть-чуть покачиваясь. Пряча складки подбородка под воротничком, опираясь на трость и стараясь держаться прямо, он поднимался по ступеням в мраморную залу. Потом он обедал, сидя перед ведерком со льдом, в котором стояла бутылка шампанского; обедал величественно, смакуя еду, завесив грудь салфеткой и косясь на лакея. Изредка он оглядывался по сторонам, но ни разу не позволил себе опустить голову или сторбить спину.

Он был стар и глух, а поэтому ни с кем не разговаривал. И никто не разговаривал с ним. Клубный сплетник, ирландец, говорил каждому новичку:

– Посмотрите на старика Форсайта! Что-то у него было в прошлом – вот оттого он такой угрюмый.

Но у Суизина в жизни не было ничего такого, отчего можно было стать угрюмым.

Вот уже много дней Суизин лежал в своей спальне, пропахшей опопонаксом и сигарами, сверкавшей серебром, пурпуром и электрическим

светом. Шторы были спущены, в камине тлели угли; на столике у кровати стоял кувшин с ячменным отваром и лежал номер "Таймса". Суизин попытался читать, но не мог и снова погрузился в раздумье. Его бледное, словно пергаментное лицо с тяжелым квадратным подбородком было похоже на маску, покоившуюся на подушке. Как он был одинок! Если бы в этой комнате была женщина, все было бы иначе! Почему он не женился! Суизин глубоко вздохнул, глядя в потолок, – и вспомнил. Это было давно – сорок с лишним лет тому назад, а казалось, что это было только вчера...

Случилось это, когда Суизину было тридцать восемь лет и когда он в первый и последний раз в жизни путешествовал по Европе вместе с братом Джемсом и неким Тракером. По пути из Германии в Венецию он остановился в Зальцбурге в гостинице "Золотые Альпы", Был конец августа, погода стояла чудесная: солнечные лучи и тени листьев дикого винограда играли на стенах, а по ночам лунный свет и снова тени от листьев на стенах. Суизин не был расположен слушать чужие советы и потому не пошел осматривать цитадель; весь этот день он провел в спальне у окна в полном одиночестве и выкурил одну за другой множество сигар, неодобрительно поглядывая на прохожих. После обеда, не выдержав скуки, он вышел погулять. Он шел важно, выпятив грудь, как голубь выпячивает зоб, и оглядывая холодным и вопрошающим взглядом людей в военной форме; обилие военных на улице было неприятно и казалось оскорбительным. Его сплин только увеличился при виде всей этой толпы бородатых иностранцев, которые говорили на непонятном языке и курили скверный табак. "Ну и публика", – думал он. Внимание его привлекла музыка, доносившаяся из маленького кафе; он вошел и сразу почувствовал какую-то жажду приключений, но без малейшего желания испытать неудобства, какие обычно им сопутствуют; возбуждение после хорошего обеда только усиливало его желание изведать что-нибудь необычное. Он очутился в Bier-halle {Пивная (нем.)}, каких много было в Германии в пятидесятых годах. Зал был освещен большим деревянным фонарем и имел два выхода. На небольшой эстраде играли три скрипача. В табачном дыму за дюжиной столиков поодиночке или небольшими группками сидели люди, взад и вперед сновали официанты, заменяя пустые кружки. Суизин сел и резко потребовал: "Вина!" Удивленный официант принес вина. "Сюда!" – все так же сердито сказал Суизин, указывая на пивную кружку, стоявшую на столе. Официант наполнил кружку. "Вот как, – подумал Суизин. Они прекрасно все понимают, если только захотят". Невдалеке громко смеялась группа офицеров, он недовольно посмотрел на них и вдруг почти над самым ухом услышал сухой кашель. Слева от него сидел человек

и читал, опершись локтями на расстеленную газету; его худые плечи поднялись почти вровень с глазами; тонкий длинный нос резко расширился у ноздрей, окладистая каштановая борода закрывала грудь и почти все морщинистое, словно пергаментное лицо. Странное это было существо – злобное и надменное! Суизину не понравилось, как он одет – так одевались журналисты или странствующие актеры! Как мог человек в такой одежде произвести на него, Суизина, впечатление? Незнакомец тем временем протянул волосатую руку и взял бокал, наполненный темной жидкостью. "Коньяк". – подумал Суизин и вздрогнул от грохота упавшего стула – его сосед встал с места. Он оказался невероятно высоким и очень худым. Необъятная борода словно выплескивалась у него изо рта, он гневно смотрел на группу офицеров и что-то говорил. Суизин разобрал только слова: "Hunde! Deutsche Hunde!" "Собаки! Немецкие собаки! – мысленно перевел он. – Гм! Довольно сильно!" Один из офицеров вскочил из-за стола и выхватил саблю. Незнакомец поднял стул, размахнулся им и швырнул его в офицеров. Из-за столов вскакивали люди и окружали его. Незнакомец закричал: "Мадьяры, ко мне!"

Суизин улыбнулся. Против его воли этот огромный человек, бесстрашно напавший на столь многочисленных врагов, вызывал у него восхищение. Суизин даже подумал, не помочь ли ему, но, решив, что в лучшем случае ему разобьют нос, оглянулся, отыскивая безопасный уголок. Но в этот миг брошенный кем-то лимон угодил ему в щеку. Суизин вскочил и ринулся на офицеров. Поймав благодарный взгляд венгра, все еще размахивавшего стулом, Суизин на мгновение даже восхитился собой, но тут чья-то сабля оцарапала ему руку, и он сразу потерял всякое расположение к венгру. "Это уж слишком!" – подумал он и, схватив стул, швырнул его в фонарь. Раздался треск – лица и сабли исчезли. Суизин зажег спичку и при ее свете бросился к двери. Через секунду он был на улице.

II

Кто-то сказал по-английски: "Спасибо, брат мой!" Оглянувшись, Суизин увидел венгра, который протягивал ему руку. Суизин пожал ее, думая: "Какого я сваял дурака!" Своим жестом венгр как бы давал понять: "Мы с тобой ровня!" Это было досадно, но в то же время почему-то лестно. Незнакомец показался ему еще выше ростом: у него была рассечена щека, и кровь каплями стекала по бороде.

– Англичане? – сказал он. – Я видел, как вы забрасывали камнями Гейнау, и видел, как вы приветствовали Кошута. Свободолюбивый дух вашего народа близок нам. – Оглядев Суизина, он добавил: – Вы большой человек, и душа у вас большая. И вы сильный, как здорово вы их расшвыряли! Ха!

Суизину захотелось бежать без оглядки.

– Моя фамилия – Болешке, – сказал венгр. – Вы – мой друг.

По-английски он говорил хорошо. "Балешке, Белешке, – подумал Суизин. – Вот так фамилия!"

– А моя – Форсайт, – сказал он мрачно. Венгр повторил фамилию.

– У вас здорово поранена щека, – пробормотал Суизин. Спутанная, мокрая от крови борода венгра вызывала у него отвращение.

Тот потрогал щеку, посмотрел на пальцы, испачканные кровью, и с равнодушным видом приложил клоч бороды к ране.

– Фу! – сказал Суизин. – Вот возьмите платок.

– Благодарю! – сказал венгр, поклонившись. – Я не смел и подумать об этом. Тысяча благодарностей!

– Да берите же! – проворчал Суизин. Почему-то сейчас это казалось ему самым важным. Он сунул платок венгру и почувствовал боль в руке. "Ну вот! подумал он. – Наверное, растянул сухожилие".

Венгр продолжал что-то бормотать, не обращая внимания на прохожих:

– Свиньи! Как вы их расшвыряли! Двум или трем мы, кажется, проломили головы. Трусливые свиньи!

– Послушайте, – сказал вдруг Суизин, – как мне добраться до "Золотых Альп"?

– Как, разве вы не зайдете ко мне выпить вина? – сказал венгр.

Опустив глаза, Суизин про себя решил: "И не подумаю".

– А! – произнес венгр с достоинством. – Значит, вы отвергаете мою

дружбу?

"Гордый малый, хоть и нищий!" – подумал Суизин и, заикаясь, нерешительно начал:

– Конечно, если вы так ставите вопрос...

Венгр поклонился и пробормотал:

– Простите меня!

Не успели они пройти и десяти шагов, как их остановил безбородый юноша с впалыми щеками.

– Ради Христа, помогите мне, господа! – сказал он.

– Ты немец? – спросил Болешке.

– Да, – ответил юноша.

– Так подыхай же!

– Господин, посмотри на меня! – И, распахнув пальто, юноша показал голое тело, туго перетянутое ремнем.

Суизин снова почувствовал желание бежать. Его не покидало ужасное чувство, что он слишком близко соприкоснулся с тем, с чем не подобает иметь дела истинному джентльмену.

– Брат, пойдем с нами! – перекрестившись, сказал венгр юноше.

Суизин недоверчиво покосился на своих спутников, но пошел за ними. Почти в полной темноте, ощупью они поднялись по лестнице и очутились в большой комнате, освещенной лунным светом, проникавшим через окно. Тускло горела лампа. В комнате стоял запах спирта и табака, смешанный с легким ароматом роз. В одном углу лежала кипа газет, в другом – стояли цимбалы. На стене висели старинные пистолеты и янтарные четки. Мебель в комнате была аккуратно расставлена, но всюду лежала пыль. Около камина стоял стол, заваленный объедками. Потолок, пол и стены были из темного дерева. Но, несмотря на случайно подобранную мебель, в обстановке все же было некоторое изящество. Венгр достал из буфета бутылку, наполнил стаканы и предложил один из них Суизину. "Если б знать, где упасть, да уж ладно, была не была!" подумал он и медленно поднес стакан к губам. Вино было густое, приторно сладкое, но букет хорош.

– Ваше здоровье, братья! – сказал венгр, вновь наполняя стаканы.

Юноша не заставил себя ждать и опрокинул стакан. Суизин последовал его примеру; теперь ему стало жаль беднягу.

– Зайдите завтра, – сказал он. – Я дам вам пару рубашек.

Но, когда юноша ушел, Суизин с облегчением вспомнил, что забыл дать ему свой адрес.

"Так лучше, – подумал он. – Конечно, это какой-нибудь мошенник".

– Что вы ему сказали? – спросил он у венгра.

– Я сказал ему, – ответил венгр: – "Ты сыт и выпил вина, а теперь ты мой враг".

– Верно! Совершенно верно! Нищие – враги каждого из нас, – сказал Суизин.

– Вы не поняли меня, – вежливо возразил венгр. – Пока он был просто нищим и голодным... Мне ведь тоже приходилось просить милостыню. (Суизин подумал: "Бог мой! Это становится невыносимым"). Но теперь, когда я его накормил, что он такое? Обыкновенный немецкий пес. Я не позволю ни одной австрийской собаке осквернить мое жилище!

Суизин заметил, что у Болешске при этом почему-то охрип голос и неприятно раздулись ноздри. А тот продолжал:

– Я изгнанник. Весь мой род в изгнании. А все из-за них, из-за этих проклятых псов!

Суизин поспешно согласился с ним. В это время в комнату кто-то заглянул.

– Розы! – крикнул венгр.

Вошла молодая девушка. Она была невысокого роста, хорошо сложена, кругленькая, с толстой косой. Широко поставленными блестящими серыми глазами она поглядывала то на одного, то на другого и улыбалась, показывая ровные белые зубы. Лицо у нее было тоже круглое, брови слегка приподняты, скулы широкие, на щеках играл нежный румянец, похожий на цвет дикой розы. Увидев кровь, девушка испуганно приложила руку к щеке и позвала: "Маргит!" Вошла еще одна девушка, постарше и повыше ростом. У нее были красивые руки, большие глаза и прелестный рот, а нос "утиный", как после называл его Суизин, вспоминая Маргит. Нежно воркуя, девушки занялись раной своего отца. Суизин повернулся к ним спиной. У него болела рука.

"Вот что бывает, когда суешься, куда не следует, – мрачно размышлял он. – Так недолго и шею сломать!" И вдруг он ощутил в своей руке чью-то мягкую ладонь, и глаза его встретились с глазами девушки – в них было восхищение, смешанное с робостью. Но кто-то позвал: "Розы!" – дверь хлопнула; Суизин, взволнованный ощущением неясной тревоги, опять остался наедине с венгром.

– Вашу дочь зовут Розой? – спросил он. – У нас в Англии тоже есть такое имя. Роза – это цветок.

– Ее зовут Розы, – поправил венгр. – Английский язык очень трудный. Труднее французского, – немецкого или чешского, труднее даже русского или румынского, других я не знаю.

– Что? – сказал Суизин. – Вы знаете шесть языков?! – и подумал: "Здорово же он врет".

– Вы бы не удивлялись, если бы вам довелось жить в такой стране, где все против вас, – прошептал венгр. – Мы свободный народ, мы умираем, но еще не умерли!

Суизин никак не мог понять, о чем он говорит. Лицо этого человека с белой повязкой и черная растрепанная борода, его угрюмый взгляд, яростное бормотание и глухой кашель – все это было неприятно Суизину. Он казался помешанным. Его смелая манера открыто выражать свои чувства была неприлична, но чувства эти были так глубоки и, вне всякого сомнения, искренни, что Суизин невольно испытывал благоговейный трепет. У него даже появилось непонятное ощущение, какое бывает у человека, когда его заставляют заглянуть в пылающий горн. Болешске перестал шагать взад и вперед по комнате и сказал:

– Вы думаете, что все кончено? Знайте же... в душе каждого мадьяра горит огонь. Что дороже жизни? Что драгоценнее воздуха, воздуха, которым мы дышим? Родина!..

Он произнес это так медленно и так торжественно, что Суизин даже рот открыл, но тут же поспешил изобразить зевок.

– Скажите, что вы стали бы делать, если бы вас победили французы? спросил Болешске.

Суизин улыбнулся, а потом крикнул, как будто его ударили:

– Что? Лягушатники? Пусть только сунутся!

– Пейте! – сказал Болешске. – Такого вина нигде не найдете. – Он наполнил стакан Суизина. – Я вам расскажу о себе.

Суизин торопливо поднялся.

– Уже поздно, – сказал он. – А вино замечательное. У вас много его?

– Это последняя бутылка.

– Как? И вы угощали им нищего?

– Меня зовут Стефан Болешске, – сказал венгр, гордо подняв голову. – Я из рода Коморонских Болешске.

Простота этих слов говорила сама за себя – какие еще нужны были объяснения; они произвели большое впечатление на Суизина, и он не ушел. А Болешске все говорил и говорил. Низкий голос его рокотал.

– Сколько было издевательств, сколько несправедливости... трусости!.. Я видел, как собирались на небе моей родины тучи и клубились над ее полями... Австрийцы хотели задушить нас, отнять у нас даже тень свободы. Тень – это все, что мы имели... Два года назад, в сорок восьмом году... брат, будь они прокляты! В тот год с оружием в руках поднялись на

защиту родины все – и стар и млад. Весь мой род, а я... Я должен был сражаться пером! Таков был приказ. Они убили моего сына, бросили в тюрьму моих братьев, а меня выгнали, как собаку. Но я продолжал писать. Я писал кровью сердца... всей своей кровью.

Болешке казался гигантской тенью. Он стоял посередине комнаты, исхудавший и измученный, устремив гневный и мрачный взгляд в одну точку.

Суизин поднялся и пробормотал:

– Очень вам признателен. Это было так интересно...

Болешке, задумавшись, все смотрел прямо перед собой и не задерживал его.

– До свидания! – сказал Суизин и, тяжело ступая, начал спускаться по лестнице.

III

Добравшись наконец до гостиницы, Суизин увидел у входа встревоженных брата и приятеля. Тракер, преждевременно состарившийся мужчина с бакенбардами, говоривший с сильным шотландским акцентом, заметил:

– Рано же ты возвращаешься, дружище!

Суизин что-то пробурчал в ответ и отправился спать. На руке он обнаружил небольшой порез и разозлился. Судьба заставила его увидеть то, чего он не хотел видеть. Но сквозь раздражение нет-нет пробивалось приятное и почему-то лестное для него воспоминание о Розе и о ее мягкой ладони. Утром за завтраком его брат и Тракер объявили о своем намерении ехать дальше. Джемс Форсайт объяснил, что "коллекционеру" тут делать нечего, так как все лавки со "старьем" в руках у евреев и всяких перекупщиков, – он это сразу понял. Отодвинув чашку с кофе, Суизин сказал:

– Делайте, что хотите, а я остаюсь здесь.

Джемс Форсайт начал скороговоркой:

– Зачем ты здесь останешься? Тебе тут делать нечего! Здесь и взглянуть не на что. Разве только на цитадель. Но ты не хочешь осматривать даже цитадель!

– Кто это тебе сказал? – проворчал Суизин.

Настояв на своем, он несколько успокоился. Рука его висела на шелковой повязке, он коротко объяснил это тем, что поскользнулся и упал. После завтрака Суизин отправился гулять и дошел до моста. На фоне жемчужных холмов блестели залитые солнцем шпили. Городок был чистенький и радовал глаз. Суизин взглянул на цитадель и подумал: "Неплохая крепость! Ничуть не удивлюсь, если она окажется неприступной" По какой-то таинственной причине эта мысль доставила ему удовольствие. И неожиданно для самого себя он решил найти дом венгра.

Около полудня, побледневший от жары и измученный двухчасовыми поисками, но еще более закосневший в своем упрямстве, Суизин стоял на какой-то улице и беспомощно озирался, как вдруг услышал у себя над головой голос: "Мистер!" Он посмотрел вверх и увидел Розу. Она, подперев круглый подбородок круглой ручкой, смотрела на него лукавым взглядом своих глубоких глаз. Когда он поклонился, она захлопала в

ладоши, и Суизин почувствовал: он нравится и его поощряют. С непринужденностью, довольно нелепой при его долговязой и угловатой фигуре, Суизин подошел к дверям дома, где его уже ждали обе девушки. И вдруг ему захотелось заговорить на каком-нибудь иностранном языке.

– Мадмуазель, – начал он, – гм... э... э... *bong jour* {Искаженное *bonjour* – добрый день (франц.).} э-э... ваш отец – *pere, comment?* {...отец, понимаете? (франц.).}

– Мы ведь тоже говорим по-английски, – ответила старшая. – Пожалуйста, входите.

Суизин подавил в себе дурное предчувствие и вошел. Днем комната выглядела запущенной и неуютной, как будто она всегда служила прибежищем людям с трагической или превратной судьбой. Суизин сел. Его взгляд, казалось, говорил: "Я иностранец, но меня не проведешь. Не выйдет". Девушки молча глядели на него. На Розе была коротенькая черная юбка и белая блузка; на плечи она накинула вышитую шаль; у ее сестры, одетой в темно-зеленое платье, на шее были коралловые бусы. Волосы у обеих девушек были заплетены в косы. Минутку помолчав, Роза дотронулась до его поврежденной руки.

– Пустяк, – пробормотал Суизин.

– Отец дрался стулом, а у вас ничего не было, – как бы удивляясь, сказала Роза.

Суизин крепко сжал в кулак здоровую руку и сильно взмахнул ею. К его удивлению, Роза засмеялась. Он обиделся и, подсунув здоровую руку под тяжелый стол, приподнял его. Роза захлопала в ладоши: "А! Вот теперь я вижу – вы очень сильный!" Сделав книксен, она упорхнула к окну. Ее быстрый и смысленный взгляд смущал Суизина; когда Роза, как ему казалось, смотрела мимо него, на что-то невидимое, он смущался еще больше. От Маргит он узнал, что все они около двух лет жили в Англии и что отец зарабатывал преподаванием иностранных языков. Теперь уже целый год они живут здесь, в Зальцбурге.

– Мы ждем, – неожиданно заявила Роза, и Маргит торжественно повторила:

– Мы ждем.

Суизин даже глаза вытаращил: так ему захотелось? узнать, чего же они ждут. Какие они странные и как странно смотрят куда-то, как будто сквозь него. Он внимательно поглядел на девушек. "А ее стоило бы приодеть", подумал он и попытался представить себе Розу в модной юбке с оборками, в узком лифе и с гладкой прической. Да, Роза с ее гибкой фигуркой, пышными волосами и с такими маленькими ручками положительно стоило

приодеть! И, вспомнив о своих руках, лице и одежде, он почувствовал беспокойство. Теперь эта неудобная, пыльная, поблекшая комната вызывала у него отвращение. Он встал и стал осматривать пистолеты, развешанные по стенам. "Воняет, как в пивной", – с досадой подумал он и снова подсел поближе к Розе. Она спросила:

– Вы любите танцевать? Танец – это жизнь. Услышишь музыку, и ноги сами просятся в пляс. Чудесно! Начинаешь сперва медленно... потом быстрее, быстрее... и вот летишь в воздухе и ничего больше не замечаешь... Ах! Как чудесно!

Суизин медленно краснел. Не сводя с него глаз, Роза продолжала:

– Ах! Когда я танцую... я вижу там, далеко, поля, простор... а ногами раз-два-три... раз-два-три... быстро, быстро, еще быстрее и летишь...

Она выпрямилась, и по всему ее телу пробежала дрожь. "Маргит, станцуй!" – и, к ужасу Суизина, девушки, положив руки друг другу на плечи, принялись шаркать ногами по полу и покачиваться из стороны в сторону. Они танцевали, полузакрыв глаза и откинув назад головы; потом неожиданно ноги их стали двигаться все быстрее и быстрее, они повернулись в одну сторону, потом в другую и наконец закружились прямо перед ним. Легкий аромат розовых лепестков окутал Суизина. Девушки все еще кружились, когда в комнату вошел Болешке. Он обеими руками пожал Суизину руку и сказал:

– Добро пожаловать, брат! А, у вас рука повреждена! Я не забыл вчерашнего. – Его глубоко запавшие глаза и пожелтевшее лицо, не теряя достоинства, выражали благодарность. – Разрешите представить вам моего друга – барона Кастелица.

Суизин поклонился низколобому, незаметно появившемуся человеку, который стоял, прижав к груди руки в перчатках. Во всем его облике было что-то кошачье. Суизин сразу же почувствовал к нему неприязнь и даже презрение. В Болешке было что-то такое, что исключало презрение. Возможно, это был его огромный рост, может быть, чувство товарищества к человеку, вместе с которым ему пришлось драться, может быть, что-то величественное и свирепое в его лице или же просто неясное, интуитивное ощущение, что этого человека нельзя презирать. Но истинно английское чувство собственного превосходства охватило Суизина при виде этого Кастелица, его тонких губ, низкого лба и бархатных бегающих глаз. "Ваши друзья – мои друзья", – учтиво промолвил Кастелиц. Суизин заметил, что он шепелявит. В этот миг в комнате раздался долгий вибрирующий звон. Обернувшись, Суизин увидел Розу за цимбалами; из-под молоточков, которые она держала в руках, непрерывно возникали резкие металлические

звуки; они то взлетали, то падали, рождая какую-то странную мелодию. Кастелиц не сводил с Розы сверкающих глаз.

Болешске, кивая головой, смотрел себе под ноги; побледневшая Маргит стояла неподвижно, как статуя.

"Что они в этом находят? Разве это музыка?" – подумал Суизин и взялся за шляпу. Розы, заметив это, перестала играть, и губы ее слегка приоткрылись от огорчения. Чувство обиды в душе Суизина как-то сразу улеглось, и он даже пожалел Розы. Она вскочила и отвернулась, надув губки. И тут Суизина словно осенило.

– Позвольте пригласить вас на обед, – сказал он Болешске. – Приходите завтра в отель "Золотые Альпы" вместе с вашим другом.

Он ощущал на себе взгляды присутствующих. На него смотрели и красивые глаза венгра, и широко раскрытые глаза Маргит, и прищуренные, сердитые глаза Кастелица, и, наконец, глаза Розы. Суизин был очень доволен собой. Однако, выходя на улицу, он мрачно подумал: "Что я наделал!" Он заставил себя пройти несколько шагов, прежде чем обернулся, и, натянуто улыбаясь, поклонился девушкам, смотревшим ему вслед из окна.

Несмотря на это мгновенное уныние, Суизин весь день был очень взволнован и за обедом загадочно поглядывал на своего брата и Тракера. "Ну что они знают о жизни? – думал он. – Проживи они здесь хоть целый год, все равно ничего не увидят". Он был весел, шутил, даже прищипил меню к фалдам официанта и, наконец, заявил:

– Мне здесь нравится. Я остаюсь еще недельки на три.

Джемс, который уже раскрыл рот, чтобы положить туда сливу, посмотрел на него с испугом.

IV

В день обеда Суизин сильно волновался. Он мрачно размышлял о том, как будет одет Болешке, он умышленно назначил час обеда пораньше, когда в ресторане мало народу. Сам Суизин оделся особенно тщательно и, несмотря на то, что рука все еще болела, снял повязку...

Часа три спустя он вместе со своими гостями покинул "Золотые Альпы". Солнце садилось, вдоль берега реки на фоне гаснущего неба резко выступали очертания домов; улицы были полны людей, спешивших по домам, у Суизина в голове стоял туман, он смутно видел пустые бутылки, землю у себя под ногами, и ему казалось, что все в мире ему доступно. Лицо его расплывалось в улыбке при воспоминании обо всех тех умных вещах, которые он сказал за столом, и о кислых физиономиях брата и Тракера, которые где-то в стороне ели свой буднично́ый обед и удивленно глядели на него. Суизин старался идти не шатаясь, чтобы доказать свое превосходство над гостями. Он сознавал, правда, очень неясно, что он куда-то идет с определенной целью. Перед его глазами танцевало улыбающееся лицо Розы, оно манило к себе. Раз или два Суизин бросил на Кастелица уничтожающий взгляд. К Болешке он, наоборот, чувствовал дружеское расположение и с восхищением вспоминал, как тот раз за разом опрокидывал бокал. "Нравится мне, как он пьет, – думал Суизин. – Все-таки он джентльмен".

Болешке шагал как-то ожесточенно, ни на кого не обращая внимания. Кастелиц еще больше стал похож на кошку. Почти совсем стемнело, когда они добрались до узенькой улочки неподалеку от собора и остановились у какого-то дома. Дверь им открыла пожилая женщина. Ее встревоженные взгляды, жаркая духота коридора после свежего воздуха и стук захлопнутой двери отрезвили Суизина.

– Я сказал ей, что ручаюсь за вас, как за родного сына, – обратился к нему Болешке.

Суизин рассердился: какое право имеет этот человек ручаться за него!

Они прошли в большую комнату, полную мужчин и женщин; Суизин заметил, что все смотрят на него. В свою очередь, он принялся рассматривать присутствующих; здесь были представители всех классов: одни во фраках и шелках, другие в рабочей одежде; был и сапожник в кожаном фартуке, словно он прибежал сюда прямо с работы. Болешке положил руку на плечо Суизину и, как видно, стал объяснять собравшимся,

кто он такой. К Суизину потянулось множество рук, а те, что стояли подальше, поклонились. Суизин ответил на приветствия сдержанным, кивком и, увидев, что все садятся, тоже опустился в кресло. Кто-то прошептал его имя – позади него были Маргит и Розы.

– Добро пожаловать, – сказала Маргит, но Суизин смотрел на Розы.

Ее лицо было таким трепетным и оживленным! "Чем это они так взволнованы? – думал он. – И до чего же она хороша!" Розы зарделась, быстрым и нервным движением спрятала за спину руки и опять устремила взгляд куда-то мимо него. "В чем дело?" – подумал Суизин, ему страстно захотелось откинуться в кресле и поцеловать ее в губы. Сердясь на себя, он старался понять, что видит она на всех этих лицах, повернутых в одну сторону.

Болешке встал и заговорил. Все замерли; не было слышно ни единого звука, кроме его низкого, сильного голоса. Болешке говорил гневно и торжественно, и чем громче гремел его голос, тем больше лица присутствующих, бледные и смуглые, озарялись единым чувством. Суизин видел на них холодную ярость, и это было неприлично. Из всей речи он понял только одно слово "мадьяры", которое повторялось снова и снова. Под конец Суизин чуть было не заснул, но его разбудил звон цимбал. "Что? Опять эта адская музыка?" подумал он. Наклонившись к нему, Маргит прошептала: "Слушайте, это Ракоци! Запрещенный марш!" Суизин заметил, что Розы уже нет позади него. Это она играла запрещенный мотив. Он огляделся – его окружали неподвижные, восторженные лица и гневное молчание. Мелодия звучала глухо, как будто и ей было больно. Суизину стало не по себе. Куда он попал? В логово тигров? То, как эти люди слушали музыку, их ужасающая неподвижность были страшны...

"Надо вырваться отсюда, – подумал Суизин, весь в поту, крепко сжимая подлокотники кресла. – Когда музыка кончится, будет свалка". Но наступила еще более глубокая тишина. У Суизина мелькнула мысль, что, появившись здесь враг, его растерзали бы на части. Потом зарыдала какая-то женщина. Это было невыносимо. Суизин поднялся и стал, крадучись, пробираться к выходу. Кто-то закричал: "Полиция!" И, толкая друг друга, все бросились к дверям. Суизин был почти у дверей, но вдруг увидел, что Розы сбили с ног. Он рассвирепел, увидев ее полные ужаса глаза. "Этого она не заслужила, хоть и довела их до белого каления", – подумал он со злостью и стал пробиваться назад, к Розы. Она прижалась к нему, и от ее близости Суизина охватила дрожь. Он крепко держал ее, пока проталкивался через толпу, и отпустил только на улице.

– Я так испугалась! – сказала Розы.

– Еще бы, – пробормотал Суизин.

Теперь, когда он уже не прикасался к ней, к нему снова вернулось скверное настроение.

– Вы такой сильный, – прошептала она,

– Вам здесь оставаться нельзя, – пробурчал Суизин. – Я провожу вас домой.

– Ой! А как же папа и Маргит? – воскликнула Роза.

– Это уж их забота! – сказал Суизин и повел ее прочь.

Роза взяла его под руку. Он чувствовал каждое легкое прикосновение ее тела и от этого еще больше сердился. Он был несправедлив в своей злобе, страсти кипели в нем и, казалось, готовы были выплеснуться наружу; подобно яду, они растекались по всему его телу. Всю дорогу Суизин упрямо молчал. Роза тоже не проронила ни слова, а когда они подошли к ее дому, она высвободила руку.

– Вы сердитесь? – спросила она.

– Сержусь? – пробормотал Суизин. – Нет... С чего вы это взяли? – Его охватило мучительное желание поцеловать Розу.

– Нет, вы сердитесь, – повторила она. – Я подожду здесь папу и Маргит.

Прислонившись к стене, Суизин тоже остался ждать. У него были острые глаза, и раза два он заметил, как Роза украдкой бросала на него умоляющие взгляды, и это доставляло ему невольное удовольствие. Минут через пять появились Болешке, Маргит и Кастелиц. Увидев Розу, они вздохнули с облегчением, а Кастелиц, косясь на Суизина, поднес ее руку к губам. В глазах Розы Суизин прочел: "А вам не хотелось бы?" Круто повернувшись, он зашагал прочь.

В ту ночь Суизин почти не спал – впервые в жизни он был так взволнован. Посреди ночи он вдруг вскочил с постели, зажег свечу и долго, внимательно разглядывал себя в зеркало. После этого ему удалось заснуть, но его мучили кошмары. Проснувшись, он сразу же подумал: "У меня не в порядке печень". Окунув голову в холодную воду, он поспешно оделся и вышел на улицу. Скоро гостиница осталась далеко позади. Все кругом было покрыто росой; в кустах заливались черные дрозды, воздух был чист и свеж. Он не вставал в такую рань с самого детства. Зачем он бродит по сырому лесу в такой ранний час? С ним, должно быть, стряслось что-то непонятное и ужаснее. Кто в здравом уме поступил бы так! Суизин остановился, как вкопанный, потом неуверенным шагом побрел обратно. Добравшись до гостиницы, он снова лег. Ему приснилось, что он живет в какой-то дикой стране, – в комнате так и кишат насекомые, а горничная, Роза, стоит со щеткой в руках и смотрит на него печальными глазами. Как видно, ему нужно было спешно уехать, потому что он просил ее сложить и отправить багажом вещи, предварительно их почистив. Он должен был уплатить за багаж двадцать два шиллинга, и это показалось ему непомерно дорого. Он мучился, не зная, как быть, и наконец пробормотал: "Нет! Упакую все сам и возьму с собой". Горничная вдруг превратилась в какое-то тощее существо, и он проснулся с тяжелым чувством.

Первое, что бросилось ему в глаза, были промокшие ботинки. Все наводило на него страх, и, вскочив с постели, он начал беспорядочно бросать вещи в чемоданы. Было уже двенадцать часов, когда он спустился вниз, где застал брата и Тракера, обсуждавших маршрут путешествия; к их удивлению, он заявил, что тоже едет; не вдаваясь в объяснения, он принялся за еду. Джемс слышал, что неподалеку есть соляные копи, и он предлагал немедленно выехать, чтобы по пути осмотреть их, потратив на это полчаса или час. "Все будут спрашивать, видел ли я соляные копи, – сказал он. – Мне было бы очень неприятно говорить, что я их не видел. Скажут, какой толк было ехать в такую даль и не осмотреть соляные копи?" Кроме того, он был озабочен: давать ли на чай второму официанту – уж больно он ленив!

Начался спор. Суизин жевал с угрюмым видом, а про себя думал, что он-то занят более важными вещами. Вдруг он увидел на другой стороне улицы Роза и Маргит, они шли с маленькими корзинками в руках. Суизин

вскочил со стула, и в этот миг Розы обернулась – личико ее было само очарование: вздернутый подбородок, капризно выпяченная нижняя губка, плавный изгиб круглой шеи. Суизин проворчал: "Договаривайтесь сами, на меня не рассчитывайте", – и стремительно выскочил из зала, бросив Джемса, который был вне себя от тревоги и любопытства.

Однако, когда Суизин вышел на улицу, девушки уже исчезли. Он кликнул извозчика и, взмахнув тросточкой, приказал: "Гони!" Как только колеса пролетки застучали по булыжникам, Суизин откинулся на подушки и стал зорко глядеть по сторонам. Вскоре он отказался от мысли найти девушек, но продолжал гонять извозчика по городу. Он ездил весь день, кружа по улицам, выехал далеко за окраины города и все время понуждал извозчика погонять лошадей. Его охватило какое-то ликующее нетерпение. Все кончилось тем, что он пообедал в маленьком деревенском трактире, и это переполнило чашу – обед был отвратительный.

Поздно вечером, вернувшись домой, Суизин нашел у себя в номере записку от Тракера: "В здравом ли ты уме, дружище? Мы больше не можем терять время попусту. Если хочешь присоединиться к нам, приезжай в Венецию, отель Даниелли". Суизин прочитал записку, усмехнулся и, почувствовав, что страшно устал, лег спать. Спал он как убитый.

VI

Прошло три недели, а Суизин все еще был в Зальцбурге, правда, жил он теперь не в "Золотых Альпах", а в квартирке над лавкой, неподалеку от Болешске. За это время у Суизина, наверное, целое состояние ушло на цветы. Маргит восхищалась его букетами, но Роза принимала их как нечто должное и, равнодушно бросив: "Большое спасибо!" – подолгу стояла у зеркала, прикалывая к волосам цветов. Суизин перестал удивляться – он теперь не удивлялся, что бы они ни делали. Однажды вечером он застал Болешске за серьезным разговором с каким-то бледным, взъерошенным субъектом,

– Наш друг, мистер Форсайт. Граф Д... – представил их Болешске.

Граф невольно внушил Суизину некоторое уважение но, присмотревшись к его брюкам, он подумал: "Не очень-то этот тип похож на графа!" Он отвесил иронический поклон молчавшим девушкам и взялся за шляпу. Но, спустившись в темную переднюю, он услышал шаги на лестнице. Это была Роза. Она сбежала вниз, выглянула за дверь и, огорченная, прижала руки к груди. Потом она быстро обернулась и увидела Суизина. Он поймал ее руку, Роза отняла руку, и все лицо ее как бы заискрилось от задорного смеха. Она быстро взбежала на несколько ступенек, остановилась, оглянулась на него через плечо и исчезла. Суизин ушел озадаченный и раздосадованный.

"Что она хотела мне сказать?" – упорно думал он.

За последние три недели Суизин без конца задавал себе множество вопросов: не дурачат ли его? Влюблена ли в него Роза? И зачем он здесь вообще? Иногда по ночам он зажигал в комнате все свечи, будто ему в самом деле нужен был свет, и, овеваемый легким ветерком, – часами сидел у окна с погасшей сигарой в руке, уставившись взглядом в стену. Каждое утро он говорил себе: "Хватит!" Дважды он упаковывал вещи, раз даже заказал карету, но на другой же день отменил приказание. На что он надеялся, что намеревался делать, на что ему решиться – он не знал и все время думал о Розе, но никак не мог понять загадочного выражения ее лица. Она как будто держала его в тисках, хотя все, что было с ней связано, угрожало самому святому, что только было в его жизни. А Болешске? Стоило Суизину увидеть его, как он тоскливо думал: "Будь он хотя бы немного почище!" – и машинально дотрагивался до своего безукоризненно повязанного галстука. Говорить с этим человеком все равно, что смотреть

на то, чего не должен коснуться дневной свет. Свобода, равенство, самопожертвование!

"Почему он не займется каким-нибудь настоящим делом вместо всей этой болтовни?" – думал Суизин. Его раздражали в Болешске и внезапная неуверенность и приступы самоуничужения и отчаяния. "Проклятый оборванец, ворчал он. – Слава богу, я не такой чувствительный! А как горд! При его-то бедности! Непостижимо!" Как-то вечером Болешске вернулся домой пьяный. Суизин вынужден был отвести его в спальню, помочь раздеться и ждать, пока тот заснет. "Это уж слишком! – размышлял он. – Пьян, да еще при дочерях!" Вот после этого случая Суизин и заказал карету. Во второй раз он упаковал свои вещи, когда за ужином не только Болешске, но даже Розы обгладывала куриную ножку, держа ее в руках.

По утрам Суизин часто ходил в парк "Мирабель", чтобы выкурить сигару на свежем воздухе. Низко надвинув шляпу, чтобы защитить лицо от солнца, он приятно проводил там час-другой, бесстрастно созерцая ряды мраморных статуй, изображавших полугероических мужчин, которые похищали полунесчастных женщин. На другой день после того, как Розы убежала от него на лестнице, Суизин, как обычно, пришел в парк. В то утро небо было безоблачно и солнце ярко сияло над старым парком, над развесистыми тисами, трагикомическими статуями и изгородями, почти скрытыми абрикосовыми и сливовыми деревьями.

Когда Суизин дошел до скамейки, на которой обычно сидел, он увидел на ней Розы.

– Доброе утро, – запинаясь сказал он. – Вы знали, что это моя скамейка?

Розы потупилась.

– Да, – тихо ответила она.

Суизин был озадачен.

– А вам не кажется, что вы очень странно со мной обращаетесь?

К его удивлению, Розы положила свою маленькую нежную ручку на его руку, а потом, не сказав ни слова, вскочила со скамейки и бросилась бежать. Он не сразу пришел в себя. Кругом были люди, и ему не хотелось бежать, но все же он нагнал ее на мосту и взял под руку.

– Зачем вы это сделали? – проговорил он. – Не надо было убегать.

Розы засмеялась. Суизин выдернул свою руку, ему захотелось схватить Розы и хорошенько ее встряхнуть. Он долго шагал молча, а потом спросил:

– Скажите на милость, зачем вы пришли в парк?

Розы бросила на него быстрый взгляд.

– Завтра будет карнавал, – сказала она.

Суизин пробормотал:

– И это все?

– Если вы не пригласите нас, мы не пойдём.

– А если я откажусь, – сказал он мрачно, – найдется сколько угодно других...

Рози опустила голову, ускорив шаги.

– Нет, – прошептала она. – Если вы не пойдёте, я тоже не пойду.

Суизин снова взял ее под руку. Какая это была круглая и гладкая ручка! Он старался заглянуть ей в лицо. Неподалеку от дома он попрощался, по какой-то непонятной причине ему не хотелось, чтобы их видели вместе. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду, а затем медленно пошел назад, к парку. Дойдя до скамейки, где сидела Рози, Суизин сел, неторопливо раскурил сигару и, выкурив ее, еще долго сидел в тишине, окруженный мраморными статуями.

VII

Около дощатых балаганов толпился народ, и Суизин счел своим долгом взять девушек под руки. "Как клерк из лондонского предместья на воскресной прогулке!" – подумал он. Но девушки не заметили его раздражения. Они смеялись и щебетали, и казалось, что в этой толчее любой звук, любое зрелище от души им нравится. Суизин иронически поглядывал на девушек: их возбужденные голоса и восторженное воркование казались ему вульгарными. В толпе он незаметно отнял свою руку у Маргит, но только он подумал, что избавился от нее, как непрощенная рука опять ухватилась за него. Он попытался еще раз, и снова Маргит, веселая и спокойная, повисла на его руке. На этот раз он, отнеся к своей неудаче иронически. Но когда Розы льнула к нему, близость ее разгоряченной щеки, улыбающиеся губы и загадочное мерцание ее серых глаз наполняли желанием все его существо. Ему пришлось стоять около девушек, пока они говорили на непонятном языке с цыганкой, чьи космы и костлявые руки возбуждали у него законное отвращение. "Глупости!" проворчал он, когда Розы протянула цыганке ладонь. Старуха что-то пробормотала и бросила на него злобный взгляд. Розы вдруг отдернула руку и перекрестилась. "Глупости!" – снова подумал Суизин и, подхватив девушек под руки, поспешно увлек их прочь.

– Что сказала эта старая карга? – спросил он. Розы только покачала головой. – Неужели вы им верите?

Глаза Розы наполнились слезами.

– Цыганки очень мудрые, – прошептала она.

– Ну, ну... Что же она вам сказала?

Розы быстро оглянулась вокруг и скользнула в толпу. После недолгих поисков они нашли ее, но Суизин был испуган и ворчал:

– Вы не должны убегать, это неприлично.

На возвышении посреди круглой площадки играл военный оркестр. За привилегию попасть в этот волшебный круг Суизин уплатил три кроны, но выбрал, разумеется, лучшие места. Кроме того, он заказал вина и, разливая его по бокалам, уголком глаза наблюдал за Розы. В этой грубой, шумной толпе исчезла его вчерашняя покровительственная нежность. В конце концов каждый за себя! У Розы порозовели щеки, она смеялась и забавно надувала губы. Неожиданно она отставила бокал.

– Благодарю вас, – сказала она. – Больше не надо.

Маргит, чьи прелестные губы беспрестанно улыбались, воскликнула: "Lieber Gott! {Боже милостивый! (нем.)}. Разве это не чудесно – жить?" На этот вопрос Суизин не считал нужным отвечать. Оркестр заиграл вальс. "Сейчас будут танцевать! Lieber Gott! Фонарики – что за прелесть!" Под деревьями, словно рой светлячков, перемигивались фонари. Толпа гудела, как гигантский улей. Перед ними появлялись и исчезали лица гуляющих, и Роза стояла и смотрела на них, как зачарованная, словно это доставляло ей огромное удовольствие.

Вокруг оркестра закружились пары. Роза стала покачивать головой в такт музыке.

– О Маргит! – прошептала она.

На лице Суизина появилось выражение важности и недовольства. Какой-то мужчина, приподняв шляпу, предложил руку Маргит. Оглянувшись через плечо, она успокоила Суизина:

– Это друг.

Суизин смотрел на Розу – глаза у нее блестели, губы дрожали. Он протянул через стол руку и дотронулся до ее пальцев. Она бросила на него взгляд: призыв, укор, нежность – все было в этом взгляде. Чего она хотела от него? Чтобы он пошел танцевать? Не хочет ли она сама замешаться в толпу этого сброда? Не желает ли, чтобы он выставил себя напоказ в этой орущей толпе? Рядом чей-то голос произнес: "Добрый вечер!" Перед ними в наглухо застегнутом черном сюртуке стоял Кастелиц.

– Вы не танцуете, Rozsi Kisaszony (мисс Роза)? В таком случае окажите мне честь, – и он подал ей руку.

Суизин не смотрел на них. Уходя с Кастелицем, Роза бросила на него взгляд, который говорил яснее слов: "А вы?" Вместо ответа Суизин отвел глаза, а когда опять посмотрел в ее сторону, Роза уже не было. Он заплатил по счету и стал пробираться через толпу. Глубоко дыша и раздумываясь, Роза в танце приближалась к нему, как бы пытаясь его остановить. Суизину даже показалось, что на глазах у нее были слезы. Потом он снова потерял ее из виду. Бросить его в первую же минуту, как только они остались наедине, и ради кого? Ради этого выскочки с маленькой головой и бегающими глазами! Это уж слишком! Вдруг он подумал, что Роза осталась одна с Кастелицем, одна ночью и так далеко от дома.

"А мне-то какое дело? – думал Суизин, проталкиваясь через толпу. – Так мне и надо, нечего путаться с такими людьми". Он ушел с карнавала, но с каждым шагом все сильнее разжигал свое негодование, все яснее представлял себе ее измену и все больше ревновал ее. "Барон, а нищий", – думал он.

Неожиданно рядом с ним откуда-то появился Болешке. Суизин все понял, с первого взгляда. Опять пьян! Это была последняя капля.

К несчастью, Болешке узнал его. Он был сильно взволнован:

– Где они? Где мои дочери? – начал он. Суизин хотел пройти мимо, но Болешке схватил его за руку. – Послушай, брат! – сказал он. – Вести с моей родины! Послезавтра...

– Оставьте меня в покое! – прорычал Суизин и вырвал руку.

Он пошел прямо к себе на квартиру и, не зажигая света, улегся на жестком диване в темной гостиной, предаваясь горьким размышлениям. Но надутые губки Розы, ее лукавые, умоляющие глаза, ее гибкая фигура долго еще преследовали Суизина, несмотря на весь его гнев.

VIII

Наутро карету заказать не удалось, и Суизину пришлось отложить отъезд. День был пасмурный и туманный, Суизин бродил по городу, глядя на прохожих напряженным и вопрошающим взглядом заблудившейся собаки.

К вечеру он вернулся домой. В углу гостиной стояла Роза. Суизин почувствовал радость и облегчение, но лишь едва заметно улыбнулся. Роза молчала, закрыв лицо руками. От этого молчания Суизину стало не по себе. Она принуждала его заговорить первым! Отчего она скрывается? Его лицо ведь открыто! Почему она молчит? Зачем она здесь, и одна? Тут явно что-то не так.

И вдруг Роза опустила руки – все лицо ее пылало и дрожало, казалось, одно слово, даже одно движение – и слезы польются ручьем.

Суизин отошел к окну. "Надо дать ей время прийти в себя", – подумал он, но, охваченный безотчетным ужасом перед этим молчанием, быстро повернулся и схватил ее за руки. Роза откинулась назад, потом подалась вперед и уронила голову ему на грудь...

Полчаса спустя Суизин задумчиво ходил взад и вперед по комнате, где еще сохранился аромат розовых лепестков. На полу валялась перчатка. Он поднял ее и долго стоял, держа ее в руке. Мысли и чувства его безнадежно спутались. Эта минута после того, как она ему отдалась, была минутой самого чистого самоотречения в его жизни. Но преклонение перед ее пламенным самозабвением сменилось чувством неловкости и мелкого торжества. Он все еще держал в руке маленькую перчатку, когда в комнату кто-то вошел. Это был Кастелиц.

– Чем могу служить? – иронически осведомился Суизин.

Венгр был возмущен. Почему Суизин не выполнил своих обязанностей вчера вечером? Чем он может оправдать свой поступок? И как можно назвать такое поведение?

Суизин, очень похожий в ту минуту на бульдога, спросил у Кастелица, какое ему до всего этого дело.

– Какое дело? Дело джентльмена! По какому праву англичанин преследует девушку?

– Преследую? – проговорил Суизин. – Значит, вы шпионили за мной?

– Шпионил? Я, Кастелиц... Маурис Иоганн Кастелиц? Это оскорбление!

– Оскорбление, – издевался над ним Суизин. – Вы хотите сказать, что вы не торчали здесь под окном?

Кастелиц прошипел в ответ:

– Если вы не уедете сами, я заставлю вас это сделать своей шпагой, понятно?

– А если вы немедленно не уберетесь отсюда, я вышвырну вас в окно!

Несколько минут Кастелиц говорил по-венгерски, а Суизин ждал с натянутой улыбкой, глядя на него остановившимся взглядом. Он не знал венгерского.

– Если завтра вечером вы еще будете в городе, – закончил Кастелиц по-английски, – я плюну вам в лицо на улице.

Суизин смотрел в окно на удаляющегося Кастелица, который заставил его так сердиться и беспокоиться, но в то же время забавлял его. "Ну что ж, решил он. – А ведь мне, пожалуй, не поздоровится".

Думать об этом было неприятно, но эта мысль не покидала его и еще больше укрепила его решимость. Теперь он думал только о том, как увидеть Розы: в нем кипела кровь от ее поцелуев.

IX

На другой день Суизин долго раздумывал, как быть. И решил пойти к Розы не раньше пяти часов. "Нельзя унижаться", – думал он. Было начало шестого, когда он наконец вышел на улицу и с замирающим сердцем направился к дому Болешке. Подходя, он был почти уверен, что увидит Розы в окне, но ее не было. К его удивлению, окно было закрыто; даже цветы под ним казались привядшими. Он постучал. Никто не ответил. Тогда он принялся колотить в дверь кулаками. Наконец вышел мужчина с рыжеватой бороденкой и желчным лицом, которое чаще всего можно встретить у сапожников, ведущих свой род от тевтонов.

– Что за шум? Чего вам надо? – спросил он по-немецки.

Суизин указал на лестницу. Человек усмехнулся и покачал головой.

– Мне нужно пройти навверх, – сказал Суизин.

Сапожник пожал плечами, и Суизин бросился вверх по лестнице. В комнатах никого не было. Мебель стояла на месте, но нигде ни души. Один из его букетов увядал в стеклянной вазе; зола в камине остыла, и каминная полка была усыпана мелкими клочками бумаги. В комнате уже стоял нежилой запах. Суизин прошел в спальню, где долго и бессмысленно глядел на кровати девушек, стоявшие рядом у стены. На глаза ему попала лента; он поднял ее и положил в карман, словно хотел сохранить доказательство того, что Розы когда-то существовала. Перед зеркалом были разбросаны булавки и рассыпана пудра. Он посмотрел на свое взволнованное лицо и тоскливо подумал: "Меня обманули". Голос сапожника вернул его к жизни:

– Tausend Teufel! Eilen Sie, nur! Zeit ist Geld. Kann nicht langer warten! {Тысяча чертей! Что вы там застряли! Время – деньги! Я не могу больше ждать! (нем.).}

Суизин медленно спустился по лестнице.

– Куда они уехали? – с трудом спросил Суизин. – Даю фунт за каждое слово, сказанное по-английски, фунт стерлингов! – И он изобразил пальцами кружочек.

Сапожник усмехнулся:

– Geld! Pff! Eilen Sie, nur! {Деньги! Пфф! Торопитесь же! (нем.).}

В душе Суизина поднималась мрачная злоба.

– Если не скажешь, тебе будет хуже! – закричал он.

– Sind ein Komischer Kerl, – сказал сапожник. – Hier ist meine Frau {Вы

шутник... Вот моя жена, (нем.).}

По коридору торопливо шла старая женщина и кричала по-немецки:
– Не отпускай его!

Сапожник сердито проворчал что-то, повернулся спиной к Суизину и, шаркая ногами, ушел.

Женщина быстро сунула в руку Суизину письмо и так же быстро отошла в сторону. Письмо было от Розы.

"Простите, что я, уезжаю, не попрощавшись. Сегодня отец получил из нашего родного города вызов, которого мы так долго ждали, – писала она. Через два часа мы уедем. Я молюсь святой деве, чтобы она оберегала вас и чтобы вы не совсем забыли меня. Ваш друг, который никогда вас не забудет. Розы".

Прочитав записку, Суизин почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, но тут же в нем заговорило упрямство. "Я не сдамся", – подумал он. Показав соверен, он попытался объяснить женщине, что она получит монету, если скажет, куда уехал Болешке. В конце концов она написала несколько слов в его записной книжке. Суизин отдал ей монету и поспешил в "Золотые Альпы", где был официант, знавший английский язык; он перевел: "В три часа они уехали в карете по направлению к Линцу. У них плохие лошади. Господин едет верхом на белой лошади".

Суизин немедля нанял экипаж и помчался по дороге к Линцу. Около парка Мирабель он увидел Кастелица и насмешливо усмехнулся: "Ну, этого я все-таки провел. Болтать эти чужеземцы мастера, -но что они умеют делать?"

Настроение у него поднялось, но скоро он опять приуныл. Догонит ли он их? Прошло три часа с тех пор, как они уехали. Правда, последние две ночи шли дожди и дороги испортились, кроме того, у них плохие лошади и багаж, а у него лошади отличные, кучер получил на чай, так что часам к десяти вечера он может их нагнать. Но хочет ли он этого? Какой же он дурак, что не взял своих вещей, тогда у него был бы приличный вид. Хорош же он будет, не имея возможности переменить сорочку и побриться! Он с ужасом представил себя заросшим щетиной и в несвежем белье. Подумают, что он сошел с ума. "Я сам себя подвел, – промелькнуло у него в голове. – Ну что, черт возьми, я им скажу?" Он мрачно уставился в спину кучера. Затем он снова перечитал письмо Розы – оно еще сохранило аромат ее духов. Так он ехал в наступающей темноте, страдая от тряски, угрызений совести и неодолимой страсти.

Вскоре совсем стемнело. Стало холодно, и Суизин поднял воротник пальто. Ему вспомнилась Пикадилли, и вдруг вся эта сумасбродная погоня

представилась ему каким-то опасным и нелепым делом. А там – освещенные улицы, приятели, комфорт. "Довольно! – размышлял он. – Почему они не оставят меня в покое?" Но было неясно, что он подразумевал под словом "они": условности, семейство Болешске, свои чувства или эти преследовавшие его воспоминания о Розе. Если бы он захватил хоть один чемодан! Что он скажет? Чего он добивается? Суизин не находил ответа. Даже тьма вокруг казалась не такой мрачной; как его чувства. Он то и дело вынимал часы. В каждой деревне кучер останавливался и наводил справки. Было уже начало одиннадцатого, когда он резко осадил лошадей. Холодно мерцали звезды, у дороги виднелось заросшее тростником озеро, освещенное луной. Суизин вздрогнул. Дорогу экипажу преградил всадник, но он упрямо приказал: "Погоняй!" Оказалось, что всадник на костлявой белой лошади, похожей на какое-то крылатое существо, – это Болешске. Он стоял, преграждая путь, в руке у него был пистолет.

"Актеришка", – с нервной улыбкой подумал Суизин, делая вид, что не узнал его. Болешске на своей кляче медленно подъехал ближе и, увидев Суизина, выразил удивление и радость.

– Это вы? – удивленно воскликнул Болешске, хлопнув себя по худому бедру, и нагнулся к Суизину так низко, что почти коснулся его бородой. – Вы едете с нами?

– Выходит, так, – пробормотал Суизин.

– Вы хотите разделить нашу судьбу! Возможно ли? Вы... вы странствующий рыцарь!

– Боже правый! – только и мог вымолвить Суизин.

Погоняя свою клячу, Болешске ускакал куда-то в лунном свете. Скоро он вернулся со старым плащом и настоял, чтобы Суизин надел его. Потом он подал Суизину объемистую флягу.

– Озябли? – проговорил он. – Удивительно! Вы, англичане, – удивительные люди. – Болешске ни на минуту не спускал с Суизина благодарных глаз.

Они нагнали другой экипаж, но Суизин, закутанный в плащ, не пытался даже разглядеть, кто был впереди. Благодарность венгра возмущала его до глубины души. С иронией, которая осталась незамеченной, он сказал:

– Вы как будто очень торопитесь!

– Мы летели бы на крыльях, будь они у нас, – отозвался Болешске.

– На крыльях! – проворчал Суизин. – Нет уж, с меня вполне достаточно ног.

Когда они подъехали к постоялому двору, где им предстояло провести ночь, Суизин не спешил выйти из кареты, рассчитывая проскользнуть в дом без "сцены", но когда он наконец вылез наружу, обе девушки ожидали его в дверях, и Маргит приветствовала его восхищенным щебетанием, однако Суизину показалось, что он различает в нем иронические нотки. Бледная и дрожащая Роза с испуганным видом подала ему руку и, быстро отняв ее, спряталась за спину сестры. Когда обе девушки ушли в свою комнату, Суизин разыскал Болешке. Настроение его значительно поднялось, и он сказал:

– Велите хозяину подавать ужин, а мы пока разопьем бутылочку за будущие успехи.

Окна комнаты выходили в сторуя соснового леса. Деревья подступали так близко, что до них почти можно было дотянуться рукой. Комнату наполнял запах хвои. Но Суизин отвернулся от душистой темноты за окном и принялся раскупоривать бутылку. Хлопнула пробка, и словно по волшебству появился Болешке. Он вошел весь забрызганный грязью и пахнувший конюшней. Следом за ним вошла Маргит, свежая и спокойная, как всегда. Роза не показывалась.

– А где ваша сестра? – спросил Суизин.

Роза сказала усталой.

– Но ей надо подкрепиться, – настаивал Суизин.

– Она должна выпить за родину, – пробормотал Болешке и пошел за дочерью.

Маргит последовала за ним, а Суизин стал резать курицу. Вскоре они вернулись без нее. У Розы была "мигрень".

Суизин помрачнел,

– Ну, ладно, – сказал он. – Я пойду и попытаюсь уговорить ее. Начинайте без меня.

– Да, да, – печально отозвался Болешке, опускаясь в кресло. – В самом деле, брат, попытайтесь уговорить ее.

Суизин шел по коридору, и сердце странно и сладко падало и замирало у него в груди. Он постучался в дверь, через минуту выглянула Роза и удивленно посмотрела на него. Волосы у нее были распущены.

Суизин неуверенно проговорил:

– Роза, почему ты боишься меня теперь, когда...

Рози смотрела ему прямо в глаза, но молчала.

– Почему ты не хочешь выйти к ужину?

Все так же молча она вдруг протянула к нему обнаженную руку. Суизин прижался к ней лицом. Вздрагивая, как от озноба, Рози прошептала у него над ухом: "Сейчас приду", – и тихо закрыла дверь.

Суизин, бесшумно ступая, подошел к дверям гостиной и, чтобы овладеть собой, на минуту остановился у входа. Вид Болешске, сидевшего с бутылкой в руке, успокоил его.

– Она сейчас придет, – сказал Суизин, и действительно Рози вскоре вошла. Ее густые волосы были небрежно заплетены в косу.

Суизин сидел между девушками, но разговаривал мало: он был очень голоден. Болешске тоже молчал, погруженный в мрачное раздумье. Рози сидела как немая, и только Маргит щебетала без умолку:

– Правда, вы едете с нами? В наш город? Мы все, все вам покажем. Правда ведь, покажем, Рози?

Рози сделала рукой жест, как бы приглашая его, и проговорила:

– Мы все вам покажем!

После этих слов к ней как бы вернулся дар речи, и обе девушки, с горящими щеками и ярко блестящими глазами, не переставая жевать, затараторили о своем "милом родном городе", "о милых друзьях" и о "милом родном доме".

"Наверное, какая-нибудь дыра", – невольно подумал Суизин. Восторженность всегда казалась ему вульгарной, однако он притворился заинтересованным и был вознагражден за это быстрыми взглядами сияющих глаз Рози.

По мере того как пустела бутылка, Болешске все больше мрачнел, и только изредка лицо его светлело. Наконец он встал и заговорил.

– Не надо забывать, – сказал он, – что мы идем, может быть, на лишения и нищету, а может быть, и на смерть... Идем, потому что это нужно родине... Для меня и для вас, мои дочери, это не заслуга. Я говорю об этом достойном англичанине... Поблагодарим бога за то, что он даровал ему такое благородное сердце! Он едет не к себе на родину, не за славой, не за деньгами, а чтобы помочь слабым и угнетенным. Выпьем за него! Поднимем бокалы за героя Форсайта!

Наступила мертвая тишина, и Суизин взглянул на Рози. В ее глазах светилась едва заметная усмешка. Он посмотрел на венгра. Не издевается ли он над ним? Но Болешске, осушив бокал, опять опустился в кресло и, ко всеобщему удивлению, захрапел.

Маргит встала и, склонившись над ним, как мать, прошептала: "Он так

устал с дороги". Своими сильными руками она подняла его на ноги. Болешке, опираясь на ее плечо и пошатываясь, вышел из комнаты. Розы и Суизин остались одни. Он протянул руку к ее руке, что лежала так близко на грубом полотне скатерти. Ее рука как бы ждала его прикосновения. Все, что сковывало его, исчезло, и он начал говорить; слова лились сами, словно вода, прорвавшая плотину. На какой-то миг Суизии забыл о себе, забыл обо всем, кроме того, что он рядом с ней. Головка Розы упала ему на плечо, и он вдыхал аромат ее волос. Как поцелуй, прозвучал шепот: "Спокойной ночи!", – и не успел он опомниться, как она исчезла...

Давно затихли ее шаги в коридоре, а Суизин все сидел и глядел не отрываясь на маленькую каплю вина, блестящую на столе. В эту минуту Розы с ее беспомощностью и ее любовью была для него всем на свете; вся его прежняя жизнь обратилась в ничто. Все, что было его жизнью – привычки, традиции, убеждения, воспитание, он сам, – все отошло, скрылось в тумане страсти и неведомого ему рыцарского чувства. Кусочком хлеба Суизин осторожно подобрал сверкающую каплю и подумал: "Это потрясающе!" Потом он долго стоял у раскрытого окна перед темными соснами.

Рано утром Суизин проснулся, раздраженный нелепыми снами и неудобствами жилья в этом незнакомом месте. Пока он лежал в кровати, высунув нос из-под стеганого одеяла, у него родилось ужасное подозрение. Подозрение росло, и скоро Суизин даже подскочил на постели. А что, если все это заговор, чтобы заставить его жениться на Розе? Предательская мыслишка вызвала у него отвращение. И все же... Она ведь может ничего не знать сама! Но так ли уж она невинна? Какая невинная девушка пришла бы к нему так, как она это сделала? Какая? А ее отец, который делает вид, будто у него на уме только судьбы родины? Просто невероятно, чтобы мужчина мог быть таким дураком! Да, все это было частью задуманной игры. Ах, проклятый интриган! И Кастелиц такой же – вспомнить только его угрозы. Итак, они намерены женить его. Эту отвратительную мысль делало еще более отвратительной его уважение к браку. Брак для Суизина был делом благопристойным и высоконравственным, и он боялся всяких liaisons {Любовные связи (франц.)}, в них было что-то грубое, примитивное. Но от мысли о браке с Розе его бросило в холодный пот. Этот шаг казался еще чудовищнее оттого, что она уже отдалась ему! И в ясном холодном утреннем свете Суизин впервые трезво осознал свое положение со всеми его трудностями. Он сидел в постели и, тяжело дыша, словно выброшенная на берег рыба, размышлял над своими догадками. Глубокое возмущение овладело им.

Он сел на постели и, обхватив голову руками, попытался представить себе, что мог означать для него этот брак. Во-первых, это была нелепость, во-вторых, тоже нелепость и, в-третьих, опять-таки нелепость. Она будет есть курицу руками, которые ему все еще страстно хотелось целовать. Она будет неистово отплясывать с другими мужчинами и без конца болтать о своем "милом родном городе". И все время глаза ее будут устремлены куда-то мимо него, сквозь него и будут видеть какое-то проклятое место, о котором он не имеет ни малейшего понятия. Суизин вскочил с кровати и забежал по комнате. На мгновение ему показалось, что он сходит с ума.

Они хотят женить его! Даже она – она хочет его женить на себе. Ее дразнящая загадочность, ее скрытая нежность, ее легкий смех, мимолетные обжигающие поцелуи, даже движения ее рук и слезы – все это было уликами против нее. Все, что заставляла ее делать сама природа, было обвинением в его глазах, но как это разжигало его желание, его страсть и

отчаяние! Суизин подошел к зеркалу и попытался расчесать волосы пальцами, но волосы были тонкие и спадали на лицо космами.

От этого он разволновался еще больше. Он стал натягивать грязные башмаки. Ему вдруг пришла мысль: "Если бы я мог увидаться с ней наедине, мы бы как-нибудь договорились". Но тут же почти оцепенел при мысли, что любая договоренность была бы не только опасной, но более того – чрезвычайно рискованной. Схватив шляпу, он бросился вон из комнаты, как заяц от выстрела. Он долго бродил по сырому лесу, опустив голову, возмущенный и перепуганный.

Но постепенно, пока поднималось солнце и воздух наполнялся запахом хвои, его душевное состояние становилось все уравновешеннее. В конце концов она сама отдалась ему, так что еще неизвестно... Мерный звук его собственных шагов успокаивал тревогу, и у него появилась уверенность, что все обойдется. "Посмотрим на дело практически", – думал Суизин, и чем быстрее он шагал, тем больше крепла в нем уверенность, что он выпутается из этой истории. Суизин вынул часы – был уже восьмой час, и он заторопился к дому. Во дворе его кучер запрягал лошадей. Суизин подошел к нему.

– Кто велел запрягать? – спросил он.

Кучер ответил:

– Der Herr {Господин (нем.)}.

Суизин отвернулся. "Через десять минут, – подумал он, – я снова буду в этой карете, а в голове такая неразбериха! Ехать прочь от Англии... от всего, к чему я привык, а куда?" Готов ли он к этому? Готов ли он выносить не один день, а день за днем, ночь за ночью все то, что терзало его в это утро? Подняв голову, он увидел, что Роза смотрит на него из открытого окна. Никогда еще он не видел ее такой милой и такой лукавой. Необъяснимый ужас обуял его. Он перебежал двор и прыгнул в карету. "В Зальцбург! Погоняй!" крикнул он. Когда карета, громяхая, выехала за ворота, Суизин, не оборачиваясь, швырнул соверен хозяину постоялого двора. Он мчался обратно еще быстрее, чем ехал сюда. Бледный, с бессмысленными, как у мопса, глазами, он за всю дорогу не произнес ни слова и, только когда карета подъехала к его квартире в Зальцбурге, приказал кучеру остановить лошадей.

XII

На пятый день к вечеру, пожелтевший и измученный путешествием, Суизин переправлялся в гондоле к отелю Даниелли. На лестнице у входа стоял Джемс и смотрел на него с вполне понятным любопытством.

– А, это ты! – сказал он. – Добрался благополучно? Суизин разозлился.

– Что значит благополучно? Джемс ответил:

– Я думал, что ты не захочешь бросить своих друзей! – Потом добавил подозрительно: – А ты не привез их с собой?

– Каких друзей? – прорычал Суизин. Джемс переменял тему.

– Ты скверно выглядишь, – сказал он.

– В самом деле? – пробормотал Суизин. – А тебе-то что до этого?

В тот вечер он спустился к ужину, но заснул за кофе. Ни Тракер, ни Джемс не досаждали ему вопросами. Они даже не вспоминали о Зальцбурге. Все четыре дня, что они провели в Венеции, Суизин ходил с высоко поднятой головой, но с отсутствующим взглядом, словно чем-то ошеломленный. И только в Генуе, когда они сели на пароход, он наконец снова обрел здоровый интерес к жизни. Узнав, что на борту есть любитель побренчать на пианино, Суизин запер инструмент, а ключ выкинул в море.

Следующую зиму в Лондоне он провел как обычно, но порой бывал до того брюзглив, что общение с ним становилось малоприятным.

Однажды вечером, когда он прогуливался с приятелем по Пикадилли, к нему обратилась по-немецки какая-то девушка. Молча взглянув на нее, Суизин, к великому удивлению приятеля, вручил ей пятифунтовую бумажку. Он и сам не мог себе объяснить, что значила эта неожиданная щедрость.

О Розе он никогда больше не слышал...

Вот о чем вспоминал больной Суизин, лежа в постели. Протянув руку, он позвонил. Вошел камердинер-швед и неслышно, как кошка, приблизился к кровати; этот маленький нервный человек со сморщенным личиком и торчащими усами давно уже служил у Суизина и был удивительно привязан к своему хозяину. Суизин слегка шевельнул рукой.

– Адольф, я совсем плох, – сказал он.

– Да, сэр.

– Что же ты стоишь, как осел? – сказал Суизин. – Или не видишь, что я совсем плох?

– Да, сэр! – Лицо камердинера дрогнуло; видно было, что он пытается

скрыть свои чувства.

– Мне станет легче после обеда. Который час?

– Пять часов.

– А я думал, сейчас больше. Как долго тянутся дни!

– Да, сэр!

Суизин вздохнул, как будто хотел, чтобы ему возразили, надеясь найти в этом какое-то утешение.

– Я вздремну. В половине седьмого принеси горячей воды и побрей меня к обеду.

Камердинер пошел к двери. Суизин приподнялся.

– Что сказал мистер Джемс?

– Он сказал, что вам следует пригласить другого доктора. Два доктора, сказал он, лучше одного. А еще сказал, что заедет опять по дороге домой.

Суизин проворчал:

– Гм! Что он еще сказал?

– Он сказал, что вы не следите за своим здоровьем. Суизин сердито посмотрел на него.

– Еще кто-нибудь заходил? Камердинер отвел взгляд.

– Две недели тому назад, в понедельник, заходила миссис Томас Форсайт.

– Сколько же времени я болен?

– В субботу будет пять недель.

– Ты думаешь, я очень плох?

Лицо Адольфа сморщилось еще больше.

– Не спрашивайте меня об этом! Мне платят не за то, чтобы я отвечал на такие вопросы, сэр!

С легким вздохом Суизин сказал:

– Ты наглый дурак! Открой бутылку шампанского!

Адольф вынул бутылку из буфета, взял щипцы, чтобы открутить проволоку, потом пристально поглядел на Суизина.

– Доктор сказал...

– Открой бутылку!

– Но это...

– Открой бутылку... или я уволю тебя.

Адольф откупорил бутылку. Тщательно вытерев бокал, он наполнил его вином и осторожно подал Суизину, потом, дернув себя за усы, стиснул руки и воскликнул:

– Ведь это же яд! Суизин слабо улыбнулся.

– Дурак... Убирайся вон! Камердинер исчез

"Адольф забывается", – подумал Суизин. Он медленно поднял бокал, медленно поставил его и, задыхаясь, откинулея на подушки. Через минуту он уже спал.

Ему снилось, что он сидит после обеда в клубе, в переполненной курительной комнате; свечи в тройных подсвечниках освещают ее светлые стены. Каждый день, важный и торжественный, он одиноко приходил сюда и терпеливо просиживал весь вечер. Иногда он засыпал, и его квадратное лицо, бледное и постаревшее, клонилось на грудь. А ему снилось, будто он смотрит на ту картину, что висела там, над камином. Это был портрет старого государственного деятеля с утонченным лицом и нахмуренными бровями таинственный портрет человека ограниченного и привыкшего изрекать непреложные истины. Вокруг Суизина болтали завсегдатаи клуба, и только он, старый и больной, всегда молчал. Если бы они только знали, каково сидеть одному и чувствовать свой недуг! То, о чем они говорили, Суизин слышал уже сотни раз. Они говорили о том, куда вложить деньги, о сигарах и машинах, о лошадях и актрисах. Что такое? Заграничный патент на машину для очистки котлов? Чепуха! Котлы невозможно чистить, каждый дурак это знает! Если уж англичанин не может очистить котел, то иностранцу это тем более не под силу.

Суизин поглядел на портрет старого джентльмена, но на этот раз глаза того, казалось, впервые выразили сомнение, затуманились, расплылись и исчезли. На их месте появились маленькие, глубокие глаза Розы, загадочные, устремленные куда-то вдаль. И пока он всматривался в эти глаза, они начали оживать, заблестели, как сталь, и, казалось, заговорили с ним. Постепенно на темном фоне портрета всплыло все ее лицо в обрамлении пушистых волос розовое, далекое, загадочное, манящее, с трепетными губами, совсем такое, каким он видел его в последний раз. Розы как будто спрашивала:

"Ты что-то потерял? Я помогу тебе".

"Теперь все хорошо", – ответил Суизин и застонал во сне.

Он почувствовал на лбу прикосновение пальцев и подумал во сне: "Это мне снится".

Розы исчезла, и издалека, из-за картины, послышался звук ее шагов.

Не просыпаясь, Суизин внятно произнес: "Я потерял..." И снова он услышал легкие шаги и совсем близко, около уха, звук, похожий на рыдание. Он проснулся. Это всхлипнул он сам. На лбу у Суизина выступили крупные капли пота. "Что это? – подумал он. – Что же я потерял?" Медленно перебирая в уме свои денежные вложения, он не нашел никаких потерь. "Но что же это такое? Что же я потерял?" С трудом

приподнявшись на подушках, Суизин схватил бокал и отхлебнул вина. "Разве это настоящий Хидсек", – сердито подумал он, и его грубое неудовольствие рассеяло туманное видение. Он нагнул голову, чтобы выпить еще, но вдруг что-то словно оборвалось в нем, и, глубоко вздохнув, Суизин Форсайт умер, склонившись над пенистым бокалом.

Когда Джемс Форсайт по пути домой заехал снова, камердинер, дрожа всем телом, принял у него трость и шляпу.

– Как твой хозяин?

– Хозяин умер, сэр.

– Умер?! Не может быть! Я же видел его час назад!

Тело Суизина лежало на постели, обмякнув, как мешок; рука еще сжимала бокал.

Джемс Форсайт помедлил,

– Суизин, – позвал он и, приложив ладонь к уху, ожидал ответа.

Но ответа не было, только последний пузырек в бокале оторвался от доньшка и, поднявшись на поверхность, лопнул.